

Т. И. Щеголева
Вознесенский собор

ГУБЕРНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИВЕРЖЕНЦЫ ВОЛЬНОСТИ

Александр Блохинцев

Киндяковка... Так совсем недавно называли, да порой и сейчас продолжают именовать южную часть Ульяновска. С чем это связано?

Дело в том, что в черту Железнодорожного района и в черту города ныне входит бывшая деревня Винновка — «Киндяковка тож», как ранее выражались. Эта деревня когда-то принадлежала Киндяковым и носила два наименования: одно — по фамилии владельцев, другое — по названию Винного врага, или оврага, близ которого когда-то, в начале XVIII столетия, существовало винокуренное производство.

Есть основания полагать, что первым владельцем деревни Киндяковки — Винновки был «Исай Григорьев сын Киндяков», который, видимо, в конце XVII века основал деревню и построил на ее южном краю, на высоком плато, большой двухэтажный каменный дом. О принадлежности постройки именно к XVII веку свидетельствовал большемерный кирпич (30x15x7см), который в более позднее время строители не употребляли.

Дом Киндяковых посещали, будучи молодыми, Н.М.Карамзин и И.И.Дмитриев, а позднее — братья Языковы, Бестужевы, Ермоловы и другие передовые представители симбирского общества. В нем бывал известный русский писатель И.А.Гончаров. Здесь у него

возникла идея романа «Обрыв», а некоторые из обитателей имения стали прототипами героев этого романа.

В 60-х годах усадьба Киндяковых была перенесена на новое место — севернее Винновки, а старый дом и службы вокруг него постепенно приходили в упадок. Впоследствии заброшенный и обветшалый дом был разобран и его остатками укреплялась плотина винновского пруда.

В 1912 году, в столетний юбилей И.А.Гончарова, на месте старого дома Киндяковых был открыт памятник-беседка в честь посещения писателем этого места.

Начиная с Исаея, родовая Киндяковых выглядит следующим образом: Исай, его сын Иван, сын Ивана Афанасий и сын Афанасия Василий. Последний имел троих сыновей и пятерых дочерей: это Петр, Лев, Павел, Олимпиада, Юлия, Надежда, Александра и Анастасия.

В 1794 году, в период генерального межевания земель, Василий Афанасьевич Киндяков владел в Винновке полутора тысячами десятин земли. В этой деревне он имел сто двадцать пять душ крестьян; кроме того, у него имелись земли и крестьяне в других селениях Симбирского уезда.

В 1811 году В.А.Киндяков выселил из Винновки шесть крестьянских дворов и основал в семи верстах от

своей усадьбы новую деревню, назвал ее Белым Ключом. Сюда же он переселил тридцать душ крестьян из села Криуши.

С деревней Винновкой обычно связывают имя Фирса Иванова — предводителя одного из отрядов крестьянской армии Пугачева. На самом деле Фирс Иванов, действиями своего отряда угрожавший Симбирску, был родом из села Сурали (оно же Ильинское) Саратовского уезда и к Винновке отношения не имел.

Вероятно, Василий Афанасьевич Киндяков, вышедший в начале 1767 года в отставку в чине поручика артиллерии, был просвещенным помещиком. В 1789 году он оказался одним из шести в Симбирской губернии подписчиков на «Древнюю российскую вивлиофику» — издание известного просветителя Н.И.Новикова — и одним из ста тридцати подписчиков на это издание в России.

В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII века на его земле, в юго-восточной части Винновской рощи, было построено здание масонского храма под названием «Киндяковская беседка» (его руины сохранялись до конца 20-х годов нашего столетия). В действительности это было фундаментальное каменное сооружение высотой до шестнадцати метров, с четырьмя портиками, увенчанное деревянной

скульптурой Иоанна Крестителя — покровителя масонов. Следовательно, В.А.Киндяков был членом первой в Симбирске масонской ложи, основанной И.П.Тургеневым в 1784 году; это еще раз подчеркивает его принадлежность к просвещенной части симбирских дворян.

Каждый из сыновей Василия Афанасьевича был по своему интересен. Все трое служили в войсках, а Петр и Павел оказались участниками тайного противоправительственного кружка офицеров и чиновников в Смоленской губернии, часть членов которого находилась в Смоленске, а другая — в Дорогобуже, Вязме и других местах губернии.

Расцвет деятельности этого кружка относится к 1797 году. В его состав входили отставной подполковник А.М.Каховский, его брат по матери подполковник и будущий проконсул Кавказа А.П.Ермолов, полковники П.С.Дехтерев и П.В.Киндяков, отставной поручик П.В.Киндяков и другие. В деятельности кружка принимал участие и Г.А.Каховский, отец будущего декабриста.

В начале 1798 года начались гонения на членов кружка. По доносу был арестован командир Санкт-Петербургского драгунского полка, расквартированного в Дорогобуже, П.С.Дехтерев. После этого командование полком принял Петр Васильевич Киндяков. Но прошло немного времени, и в Петербурге был получен донос и на Киндякова.

В июне 1798 года в Смоленск был послан для расследования генерал Линденер. Он обнаружил подпольный политический кружок в составе тридцати человек.

Неизвестный художник
Портрет
Льва Васильевича Киндякова
1810-е годы

Неизвестный художник
Портрет Анны Владимировны
Киндяковой
1810-е годы

Неизвестный художник
Портрет
Александра Львовича
Киндякова
1830-е годы?
Ульяновский областной
художественный музей

Видную роль в этом кружке играл П.В.Киндяков. О нем в донесении Линденера говорилось, что, проживая в селе Котлино (близ Дорогобужа) у своей тетки, тамошней помещицы, Петр Киндяков устраивал у себя на квартире собрания офицеров; что брат его, отставной офицер, ходит в якобинском платье, весь в черном, а прочие офицеры, собираясь у полкового командира в шлафроках и халатах, «с вольностью возлежат на канаве».

Об этих собраниях в квартире Киндякова Линденер писал: «Вольные, или паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления... таковые суждения произносимы были при полковых офицерах. Чтение публичное в своей квартире запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескьё, «Натуральную философию» Гольбаха и прочие таковые книги, развращающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление и вольности. И все сие чтение и истолкование было при офицерах... Он (Киндяков) явно в образец другим сделал объявление желанья своего ехать во Францию».

Перечисляя ряд фамилий кружковцев, Линденер доносил в Петербург: «Все сии штаб- и обер-офицеры соединились, однако ж, в единомыслии с полковником Киндяковым и были им руководимы...».

В поле зрения следствия попал и Павел Васильевич Киндяков, который служил в Петербурге, но, выйдя в отставку, «по пути в Симбирск» заехал к своему брату Петру. По поручению последнего Павел Киндяков совершал частые поездки по

воинским частям, расположенным в Смоленской губернии. Следователи сделали ему замечание, что его «свидание» с братом затянулось на полгода, однако цели его поездок не выяснили. А вскоре стало известно, что Павел Киндяков в доме своей тетки в имении Котлино сжег все компрометирующие кружковцев бумаги, чем и поставил следствие в тупик».

Интерес представляет собой и тетка братьев Киндяковых, которая неоднократно упоминается в документах следствия. Это симбирская помещица Мария Ивановна Аргамакова, бывшая владелица села Анненково Степное Симбирского уезда. В свое время она вышла замуж за Ф.А.Грибоедова и стала впоследствии бабушкой автора «Горя от ума» — А.С.Грибоедова. Она же приходилась двоюродной теткой А.Н.Радищеву, автору знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». После смерти своего мужа Аргамакова поселилась в его смоленском имении в селе Котлино, в пятнадцати верстах от Дорогобужа. Затем она вторично вышла замуж — за полковника Розенберга, но вскоре опять овдовела и свои заботы обратила на племянников, братьев Киндяковых.

Сохранившиеся следственные материалы и отрывки из переписки между теткой и племянниками говорят о том, что Мария Ивановна благоволила к братьям Киндяковым, была хорошо осведомлена об их настроениях и замыслах. Она сочувствовала и в определенной мере помогала им, предоставляя свой дом для собраний кружка и хранения нездоровых материалов.

Средний из братьев — Лев Васильевич Киндяков — от-

ставной майор артиллерии, живший в Петербурге, намерялся Павлом I к ссылке в Сибирь по другим мотивам. Только приятельские связи и благоприятные обстоятельства помогли ему срочно покинуть Петербург и тем самым избежать суровой кары. Находясь в Винновке, он знал о деятельности своих братьев. Его перепиской интересовались «блюстители порядка», но к следствию за недостаточностью улик он не привлекался.

В конце 1798 года следствие закончилось. Кружок был разгромлен, члены его арестованы; некоторые из них заключены в тюрьмы, другие отправлены в ссылки. Петр Киндяков был отстранен от командования полком, арестован и сослан на вечное поселение в Сибирь, в далекий Олекминск. Павел Киндяков также был арестован и сослан на вечное поселение — в Тобольск. Но спустя немного времени, в марте 1801 года, Павел I был убит, а все репрессированные при его жизни люди «помилваны» и возвращены из тюрем и ссылок.

Вернулись из Сибири к себе в Винновку и братья Киндяковы.

Петр и Павел первое время жили в Винновке и в Симбирске. В декабре 1809 года генерал-майор Петр Киндяков с семейством присутствовал при торжественном открытии Симбирской гимназии.

В 1815 году Петр Киндяков приобрел деревню Кашинку Симбирского уезда, которую потом продал своему зятю А. Н. Раевскому, женатому на младшей из его дочерей — Екатерине (у Петра Васильевича было три дочери: Мария, Елизавета и Екатерина).

Впоследствии Петр Киндяков обосновался в Москве, где приобрел в самом фешенебельном квартале столицы большой дом, принадлежавший ранее князьям Голицыным. Дом Киндяковых некоторое время являлся одним из центров собраний светской молодежи Москвы. В.И.Бухарина, в замужестве Анненкова, в своих французских записках, вспоминая московскую осень 1830 года, отмечала:

«Мало-помалу эпидемия кончилась, и возобновилось обычное времяпровождение московского общества. Два гостеприимных дома взяли на себя миссию оживлять Москву и собирать лучший цвет общества — это были дом Пашковых и дом Киндяковых...»

Я находила большое удовольствие в этих собраниях и свела близкое знакомство с двумя молодыми девушками, каждая из которых укрывала собой свой дом...

В доме Киндяковых — очень любимая мною младшая дочь Екатерина, изящная и крайне восторженная. Она любила одного человека (Ивана Путятю), но его мать запретила ему жениться, и тогда она вышла замуж за поверенного своей любви — Александра Раевского, прожила с «Демоном Пушкина» очень недолго и умерла, родив ему дочь, на которую отец перенес всю привязанность...»

Это тот самый Раевский, отец которого — генерал Н.Н.Раевский — в решительный момент одного из боев 1812 года, взяв за руки своих юных сыновей Александра и Николая, пошел с ними на врага, воодушевляя этим своих солдат на ратный подвиг. Александр Раевский — родной брат Марии Николаевны Волконской,

А.Иванов
Вид Винновки, имения Киндяковых. 1841
Холст, масло

одной из лучших русских женщин, жены декабриста, добровольно последовавшей за своим мужем в Сибирь на каторгу. Екатерина Киндякова-Раевская писала Волконской в Сибирь теплые письма, получая оттуда ответные послания. Вот отрывок из письма Екатерины Петровны к Марии Николаевне от 25 августа 1837 года: «В Авчурине, дорогая Марии, я имела счастье получить Ваш портрет и портреты Ваших детей, которые ждала с таким нетерпением. Ваш портрет меня огорчил, лицо носит печать страданий, и я не могла без заморачивания сердца смотреть на скорбное выражение Ваших черт. Я расплакалась, и только вид Ваших детей немного меня успокоил... До конца сентября у меня будет время скопировать оба портрета...»

В этом письме шла речь о портретах Волконских, выполненных декабристом Н.Бестужевым и присланных М.Н.Волконской из Сибири. Их собиралась собственноручно копировать Екатерина.

В Госархиве Ульяновской области хранятся письма Екатерины Петровны Киндяковой к своему кузену А.Л.Киндякову, написанные по-французски. По ним удалось установить двух других сестер Екатерины и их мужей. И что самое главное — все это привело к пушкинскому окружению, к тем людям, с которыми общался великий поэт.

Старшая из сестер — Мария — вышла замуж за Сергея Дмитриевича Полторацкого, человека весьма примечательного. Это близкий друг Пушкина, библиограф и библиофил, первый пропагандист пушкинских произведений во Франции, сотрудник прогрессивного парижского журнала «Ревью Энциклопедик». Еще не будучи лично знакомым с поэтом, Полторацкий в 1822 году опубликовал в этом журнале заметку об оде «Вольность» — «полной одушевления, поэзии и возвышенных идей», как он писал, и о стихотворении «Деревня», в котором, по его словам, «поэт скорбит о

печальных последствиях рабства и варварства». В результате публикации этой заметки Полторацкий в начале 1823 года был уволен со службы и выслан под надзор полиции в свое имение Авчурино близ Калуги.

На протяжении десяти лет сотрудничества в «Ревью Энциклопедик» Полторацкий опубликовал на его страницах более ста корреспонденций из России. Среди них — статьи и заметки о крепостном праве, о декабристах, многочисленные рецензии на произведения Державина, Крылова, Жуковского, Баратынского, Веневитинова и других. Более того, Полторацкий финансировал близкий ему по духу парижский журнал, переводя ежегодно его издателя от восьми до пятнадцати тысяч франков.

Впоследствии Полторацкий становится сотрудником Герцена и Огарева и первым из русских, давших свой отзыв на первый выпуск «Полярной звезды». Он систематически посылал в Лондон Герцену «запрещенные в России издания и

списки неизданных стихотворений Пушкина».

Полторацкий ревностно собирал и изучал все произведения Пушкина — в том числе его бесцензурные стихи и эпиграммы — и был для своего времени лучшим знатоком и толкователем творчества поэта, оберегавшим пушкинское поэтическое наследие от различных искажений.

С Пушкиным его связывало и то, что он был двоюродным братом двух женщин, небезразличных поэту. Первая — Анна Алексеевна Оленина; в нее был влюблен Пушкин, ей посвятил стихи:

*Я вас любил: любовь
еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.*

Вторая — Анна Петровна Керн, с которой также связано увлечение поэта и создание одного из его шедевров:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

А.П.Керн выросла в доме Олениных, и именно там Пушкин в 1819 году увидел ее впервые.

Таким образом, через С.Д.Полторацкого Киндяковы состояли в родстве с Олениными и с Керн. По условиям жизни того времени, такая степень родства была достаточно близкой.

Дом президента Академии художеств А.Н.Оленина был центром научной и художественной жизни столицы; здесь собирался цвет общества, бывали декабристы. И естественно, что Сергей Дмитриевич и Мария Петровна Полторацкие, проживая в Петербурге, являлись постоянными посетителями домов Олениных и генерала Е.Ф.Керн — мужа

Анны Петровны; а она в свои приезды в Москву не могла не бывать в доме Киндяковых.

Пушкин очень тепло относился к Полторацкому. Зная о библиографических увлечениях друга, поэт подарил ему редкий комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769—1773 годы. Также подарены им Сергею Дмитриевичу только что вышедшие издания «Цыган» и «Полтавы». Друзья часто встречались. Так, 19 февраля 1827 года Пушкин, Полторацкий и известный польский поэт Мицкевич присутствовали на вечере у Н.А.Полевого.

Об искренней привязанности поэта к Полторацкому говорит очень короткая, но выразительная записка Пушкина: «25 марта 1829 г. в Москве. Ты совершенно забил меня, мой милый. А.П.»

В Ульяновском художественном музее хранится литографированный портрет С.Д.Полторацкого парижской работы и акварель Марии Киндяковой-Полторацкой с изображением интерьера гостиной, датированная «1856 г., С.-Петербург».

М.П.Киндякова-Полторацкая была художницей и систематически занималась живописью. О таких ее занятиях Екатерина Киндякова писала А.Л.Киндякову 8 февраля 1833 года: «Я думаю, что при вас Мари начала портрет Николая Пашкова. Она его еще не закончила, и он продолжает приходиться к нам два или три раза в неделю, чтобы позировать. Я принялась за портрет Полины. Она приходит позировать в один и тот же день, и у нас настоящая художественная мастерская. Если вы хотите знать, что стало с портретом, который писали вы, я

вам скажу, что Мари взялась его закончить, но так как я ненавижу позировать, он подвигается очень медленно, и до сего времени он совсем не похож».

Средняя из дочерей П.В.Киндякова, Елизавета Петровна, вскоре по приезде из Симбирска в Москву приобрела симпатии московского общества и завоевала репутацию одной из первых красавиц города. Совсем молодой она вышла замуж за князя Лобанова-Ростовского. Брак сложился неудачно, и в 1828 году она вторично выходит замуж — за Александра Васильевича Пашкова, участника Отечественной войны 1812 года. В свои двадцать четыре года Пашков был уже полковником лейб-гвардии гусарского полка. Впоследствии он получил звание генерал-майора. Но главное — это тоже человек пушкинского круга, встречавшийся с поэтом.

Наибольшую популярность Елизавета Петровна приобрела в московских литературных кругах. В числе симпатизировавших ей были: поэт и близкий друг Пушкина П.А.Вяземский; писатель, переводчик, член Академии наук и один из знакомых Пушкина А.С.Норов; друг Пушкина, брат декабриста А.И.Тургенев; поэтесса Е.П.Ростопчина и другие.

Лиза Пашкова являлась душой общества, встречи с ней были для многих потребностью. П.Вяземский в стихотворении «Запретная Роза», посвященном Е.П.Пашковой, писал:

*Прелестный цвет,
душистый, ненаглядный,
Московских роз царица и краса!..*

Пушкин в письме к Вяземскому спрашивал:

«Что наши? Что запретная Роза?..»

В переписке П.А.Вяземского, А.И.Тургенева и А.С.Норова часто упоминается наша землячка. Например, 11 января 1832 года Тургенев писал Вяземскому: «Поцелуй ручку или что можешь милой Елизавете Петровне Пашковой». Через неделю Вяземский отвечал: «...к сожалению моему, почти вовсе не вижу Елизаветы Петровны».

4 сентября 1832 года Вяземский писал другу из Петербурга: «В Москве все идет по-старому; Пашковы и Киндяковы монополюствуют. Получаю иногда письма от Лизы Пашковой и Норова; все о тебе расспрашивают...»

В декабре 1833 года Тургенев сообщает Вяземскому из Италии: «Дай знать Пашковой и Бартеневой, что получил здесь весеннее их пись-

мо... что благодаря их от всего сердца и буду отвечать...»

Таким образом, русская литература была не только знакома, но и сродни Киндяковым. А сами они являлись частицей той среды, которая питала и оживляла московское общество первой половины XIX века.

В феврале 1834 года известный московский почт-директор А.Я.Булгаков — близкий к литературным кругам человек и постоянный гость Киндяковых — рассказывал в письме к дочери: «Только что вернулся с бала у Киндяковых, который был прекрасен...» В другом его письме говорится: «Вчера была бездна народу у Киндяковых...» Эти письма свидетельствуют о том, что и в 1834-м дом Киндяковых оставался одним из центров светской жизни Москвы, каким он был, по

словам В.И.Бухариной, в 1830 году.

Конечно, в этой «бездне народу» было немало великосветской шелухи и дряни, но встречались и интересные, содержательные люди; среди них — уже упоминавшиеся П.А.Вяземский, А.И.Тургенев, А.С.Норов. Часто бывала у Киндяковых Прасковья Арсеньевна Бартенева — фрейлина, одна из лучших певиц первой половины XIX века, — та самая Полина Бартенева, которая ограждала от унижений в придворном кругу М.И.Глинку и которая пропагандировала его сочинения.

В марте 1834 года у Киндяковых побывал старый сослуживец Петра Васильевича, бывший участник смоленского кружка, сподвижник А.В.Суворова и М.И.Кутузова Алексей Петрович Ермолов. Николай I боялся и

Гончаровская беседка
в Винновской роце
Архитектор А.А.Шода

Винновская роца

ненавидел его за близость к декабристам.

Относительно записок В.И.Бухариной, в которых шла речь о домах Пашковых и Киндяковых, И.Андроников писал: «Я привожу эти обширные выписки из записок Бухариной-Анненковой потому, что это Москва 1830–1832 годов и общество, в котором появляются не только Вяземский и Александр Тургенев, но и Пушкин и Лермонтов».

Представляет интерес и семья Льва Васильевича Киндякова. В отличие от братьев Петра и Павла, переселившихся в Москву, оставшейся майор артиллерии Лев Киндяков остался в Симбирске и иногда выезжал в столицы. А весной 1837 года он с женой Анной Владиславовной и дочерью Аделаидой выехал на лечение в Пятигорск. Там в это время находились В.Г.Белинский, Н.М.Сатин и М.Ю.Лермонтов. Сатин — товарищ Лермонтова по университетскому пансиону — некоторое время жил в Симбирске, куда был выслан из Москвы под надзор за «пение пасквильных песен». В Симбирске Сатин не мог не знать Льва Киндякова, и, вероятно, именно он познакомил Лермонтова с семьей Киндяковых в Пятигорске.

В результате этого знакомства, по одному из предположений, Аделаида стала прототипом княжны Мери, а ее мать — прототипом княгини Лиговской в романе «Герой нашего времени».

Первый биограф поэта П.А.Висковатый писал: «...видели прототип княгини и княжны Лиговских в госпоже Киндяковой с дочерью из Симбирска, лечившихся в Пятигорске».

Автор романа словами доктора Вернера так обрисовал обеих героинь:

«Во-первых, княгиня — женщина 45 лет... у нее прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве, и тут на покое растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна, как голубь. Какое мне дело?... Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь Бог знает от чего; я велел обеим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в развальной ванне. Княгиня, кажется, не привыкла повелевать: она питает уважение к уму и знаниям дочери, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру...»

Неважно, что Киндякова-мать, она же Лиговская, растолстела не в Москве, а в Симбирске. В остальном все реально и возможно. Есть еще одно интересное предположение. «...В сороковых годах, во время посещения И.А.Гончаровым Киндяковки, владельцами ее были Лев Васильевич и Анна Владиславовна Киндяковы...». Общеизвестно, что идея романа «Обрыв» возникла у Гончарова именно в Киндяковке, и там же он набросал план этого романа. Существует несколько версий о том, кто именно послужил прототипами героев этого романа.

По материалам, которые удалось обнаружить, прототипами бабушки, Веры и

Марфиньки могли быть Анна Владиславовна Киндякова и две ее внучки от умершей дочери Натальи Львовны Киндяковой, в замужестве Ренкевич, Александра и Наталья.

В самом начале 90-х годов прошлого века некто Н.Лендер побывал в Винновке — Киндяковке и по довольно еще свежим следам писал: «...бабушка — А.В.Киндякова скончалась еще в 1857 году...». Свои записи Н.Лендер делал по сведениям, сообщенным ему Софьей Александровной, дочерью Александра Львовича Киндякова. А в Госархиве Ульяновской области сохранился документ, в котором говорится, что 29 апреля 1855 года Лев Васильевич, Анна Владиславовна, их дочь Аделаида и сын Александр «учинили запись» о разделе имущества. В этой «записи» указаны дети умершей Натальи Львовны и среди них — Александр и Наталья, опекуном которых назначался Александр Львович Киндяков. Девочки жили у своей бабушки А.В.Киндяковой.

Не утверждая, что прототипами героинь Гончарова были именно эти лица, мы приводим данную версию как одну из вполне возможных.

Итак, Киндяковы представляют для нас несомненный интерес: во-первых, как передовые люди своего времени, носители освободительных идей и предтечи декабристов; во-вторых, как люди, враставшиеся в литературных кругах Москвы и Симбирска, люди из окружения Пушкина; и, наконец, как возможные прототипы героев крупнейших произведений русской литературы.